

63.3(2)44-8
3-12
СА-399627

АНТОЛОГИЯ
МЫСЛИ

И. Е. Забелин

МИНИН И ПОЖАРСКИЙ

ПРЯМЫЕ И КРИВЫЕ В СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Юрайт
издательство
biblio-online.ru

1820—1909

И. Е. Забелин

МИНИН И ПОЖАРСКИЙ

Книга доступна на образовательной платформе «Юрайт» urait.ru,
а также в мобильном приложении «Юрайт.Библиотека»

Москва • Юрайт • 2023

Государственное бюджетное
учреждение культуры

«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н. К. Крупской»

43-30066-СД

Оглавление

Глава I. Общий очерк Смутного времени	7
Глава II. Значение истории и исторических характеров для современности. Исторический характер Козьмы Минина	15
Глава III. Исторический характер князя Пожарского. Устройство Нижегородского ополчения. Истинные достоинства Минина	25
Глава IV. Истинные достоинства князя Пожарского. Состав и устройство Ляпуновского ополчения	38
Глава V. Подвиг нижегородцев и сказания Авраамия Палицына. Земцы и казаки под Москвою	52
Глава VI. Признание заслуг князя Пожарского от народа и от царя. Служба Пожарского при царе Михаиле. Общее мнение современников о личности князя Пожарского	83
Глава VII. Пояснения к предыдущему: шаткость научных оснований в истории. Существо бытовых и политических интересов дружинного сословия служилых и крестьянского сословия тяглых. Их отношение к созданному государству. Коренные причины Смуты. Бытовое значение казачества	112
Глава VIII. Сказания и дела Авраамия Палицына: новый его восхвалитель. Палицын как член посольства к Сигизмунду. Величие думного дьяка Луговского. Низменность Палицына. Его писания. Историческое значение Троицких грамот	146
Глава IX. Безвестный герой Смутного времени ростовский Борисоглебский затворник Иринарх. Бытовое и историческое значение его подвига	176
Приложения	184
I. Приговор Ляпуновского ополчения 30 июня 1611 года	184
II. Грамота, жалованная боярину и воеводе князю Димитрию Тимофеевичу Трубецкому на вотчину Вагу, данная от собравшихся под Москвою духовных и светских властей в январе 1613 года	190
III. Грамота в Переяславль Рязанский о сборе денег и шуб. 1611 год	195
IV. Память М. Злобину по случаю его посылки в Переяславль Залесский, в Ярославль и на Кострому за сбором денег и шуб. 1611 год	196

V. Роспись, что взято шуб с помещиков Арзамасского уезда. 1611 год	199
VI. Челобитная царю-самозванцу (Сидорке) от посадских города Зарайска. 1612 год	199
VII. Челобитная царице Марине Юрьевне от князя Трубецкого и Заруцкого по поводу предыдущей челобитной. 1612 год	200
Челобитные царю Михаилу от разных лиц о вспомоществовании по случаю различных обстоятельств (VIII—XVI)	201
XVII. Выписка из хронографа об избрании царем Михаила	206
XVIII. Жалованная грамота царя Михаила Троицкому келарю	207
XIX. Запись о жалованной грамоте Бориса Бартенева	209
Примечания	210
Новые издания по дисциплине «Отечественная история» и смежным дисциплинам	220

Глава I

ОБЩИЙ ОЧЕРК СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

Наше «Смутное время» — эпоха чрезвычайно любопытная и особенно замечательная именно со стороны *истории народа*, как можно говорить, если ограничим понятие государства только государственной властью с ее органами и представителями.

В общих чертах «Смута» представляет явление весьма своеобразное. Это не революция, не перестановка старых порядков по-новому. Это только глубокое потрясение, великое «шатание» именно государства в сказанном смысле; ибо в это время всесторонним банкротом оказался не народ, а само правительство, сама правящая и владеющая власть, и в своей единице, и в общем составе своих представителей, между тем как народ-то именно обнаружил такое богатство нравственных сил и такую прочность своих исторических и гражданских (именно гражданских) устоев, какой в нем и предполагать было невозможно.

Смута началась прежде всего во дворце, по видимости с того важного обстоятельства, что тамошняя среда поспособствовала преждевременному прекращению Рюриковой династии с тайным намерением самой начать опасную и азартную игру в цари. Темное это дело обозначилось именем Годунова. Но Годуновых было тогда много, полон двор, и настоящий Годунов, более других сильный, способный и дальновидный, по тем самым причинам выдвинулся только наиболее заметным их типом. В существенном же смысле историю нашей Смуты нельзя начинать со дня кончины последнего Рюриковича или с прекращения только династии, ибо и здесь последним Рюриковичем в сущности был Иван Грозный. Тем менее можно ее начинать с появления первого самозванца, который был уже прямым и непосредственным, вполне созрелым и сочным ее плодом. Смута издавна гнездилась в государевом дворе и всегда более или менее жарко вспыхивала, как скоро открывался ей выход на Божий свет, как скоро наготовлялись для нее горючие материалы. Еще за сто с лишком лет до появления самозванцев она уже вполне ясно обозначила свои стремления и цели. Она и тогда уже пробовала начать дело тоже самозванцем¹. Ее исторические корни уходят далеко в глубину прожитых веков и могут быть указаны чуть не на первых страницах нашей истории. Ее корни скрывались всегда в мятежном, самовластном, своевольном и крамольном духе той среды боярства, которая крепко помнила свою первобытную старину. А этой стариной для боярства в оное время было непререкае-

Глава II

ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИИ И ИСТОРИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРОВ ДЛЯ СОВРЕМЕННОСТИ.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР КОЗЬМЫ МИНИНА

История своими событиями и славой или бесславием своих деятелей всегда и неотразимо, в том или другом направлении, воспитывает умы и нравы живущего поколения. Примеры поведения и характеры отцов и дедов, а тем более исторических лиц, всегда оставляют свой след в сознании потомства. Они возвышают и облагораживают или принижают и угнетают это сознание, дают ему бодрость и силу, воспитывают твердость и прямоту характера, или ослабляют всякий характер и расслабляют всякий нрав.

Если, при известной разработке истории, галерея исторических портретов составит из плутов и негодяев и по меньшей мере из лиц ни на что негодных, то на чем же юноша, всегда идеалист, воспитает свои идеалы? Ведь юность без идеалов не может пробыть. Не то, так другое, не прямое, так кривое, — но она неизменно будет создавать себе путеводные нравственные светочи, неизменно будет искать нравственную высоту и твердыню, по образцу которой можно было бы установить и свой нрав и характер.

Всем известно, что древние, в особенности греки и римляне, умели воспитывать героев... Это умение заключалось лишь в том, что они умели изображать в своей истории лучших передовых своих деятелей не только в исторической, но и в поэтической правде. Они умели ценить заслуги героев, умели различать золотую правду и истину этих заслуг от житейской лжи и грязи, в которой каждый человек необходимо проживает и всегда больше или меньше ею марается. Они умели отличать в этих заслугах не только реальную и, так сказать, полезную их сущность, но и сущность идеальную, т. е. историческую идею исполненного дела и подвига, что необходимо и возвышало характер героя до степени идеала.

Наше русское воздвигание истории находится от древних совсем на другом, на противоположном конце. Как известно, мы очень усердно только отрицаем и обличаем нашу историю и о каких-либо характерах-идеалах не смеем и помышлять. Идеального в своей истории мы не допускаем. Какие у нас были идеалы, а тем паче герои! Вся наша

Глава III

ИСТОРИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР КНЯЗЯ ПОЖАРСКОГО. УСТРОЙСТВО НИЖЕГОРОДСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ. ИСТИННЫЕ ДОСТОИНСТВА МИНИНА

Когда, по вызову Минина, нижегородцы решились помочь Отечеству, по-своему, своим умом и обычаем, то первым их делом был выбор воеводы. Летописцы свидетельствуют, что в этом случае выбор был свободный, всем миром, хотя иные описывают вообще, что все устроил Минин, что он же «совосприподобил» и князя Пожарского. Но так говорят, с понятной симпатией к Минину, именно те летописцы, которые и все нижегородское событие, по его внутреннему смыслу, сливают в одно имя Минина. Здесь летописцы стоят на общей, высшей, идеальной точке зрения в изложении события и не вдаются ни в какие частные, реальные подробности. Здесь несомненным фактом является не подробность, а смысл и значение всего дела. Но как скоро они сходят на землю и описывают, как на самом деле происходило событие, то касаются и подробностей, которые и являются уже фактами. Они тут и говорят, что выбор воеводы происходил всем миром. Конечно, очень вероятно, что одним из первых на Пожарского указал Минин. Но по какой причине, с какой целью, почему именно указал на Пожарского, а не на кого другого? Историки-отрицатели об этом ничего не знают. Они видят только, что Минин хотел Пожарского, а Пожарский потом хотел Минина: а откуда возникла такая взаимность, они не знают. По портрету Пожарского, ими же написанному, они допускают предположение, весьма вероятное по их замечанию, что Мининумышленно пригласил в воеводы такого князя, «чтобы удобнее было самому безусловно всем распоряжаться».

Посмотрим на этот портрет.

Лицо Пожарского, по начертанию отрицающих историков, не имело никаких признаков, возвышающих его личность над уровнем дюжинных личностей. «Это был человек малоспособный. Он не совершил ничего необыкновенного, действовал зауряд с другими, не показал ничего, обличающего ум правителя и способности военачальника. Его не все любили и не все слушались. Он сам сознавал за собой духовную

Глава V

ПОДВИГ НИЖЕГОРОДЦЕВ И СКАЗАНИЯ АВРААМИЯ ПАЛИЦЫНА. ЗЕМЦЫ И КАЗАКИ ПОД МОСКВОЮ

Обыкновенно рассказывают (и это стало уже непогрешимой истиной), что нижегородцы поднялись и вошли, так сказать, в разум только с той минуты, как прочитали призывную грамоту из Троицкого монастыря. Дело вообще представляется в таком виде, что нижегородцы до того времени, как будто, по словам легенды, в самом деле спали и слухом не слыхали, что делается в Москве: из этой только грамоты они узнали именно о том, что настало необходимость помочь Отечеству. Так написал об этом Авраамий Палицын, и ему одному поверили историки предпочтительно пред всеми летописцами, которые о таком действии Троицких грамот и даже о самих грамотах не говорят ни слова.

Но уже доказано довольно основательно, что старец Авраамий в своем «Сказании об осаде Троицкого монастыря» писал в некотором смысле эпическую поэму, даже в иных местах книжно-стихотворным складом, а главное — писал своему монастырю и особенно себе высокопарный панегирик, похвальное слово. Таким образом, сведения, сообщаемые старцем, особенно в тех случаях, где является его личность, история должна принимать с великой осторожностью, ибо это те же легенды. Дабы выставить на вид благочестивому читателю, что все хорошее и доброе делалось и совершалось в то время почином Троицкого монастыря, старец беззастенчиво, например, расписывает, что ляпуновское ополчение было собрано и подвинуто к Москве именно Троицкими же грамотами, которые будто разосланы были тотчас после Московской разруги, 19 марта, т. е. в то время, когда уже ополчение со всех сторон приближалось к Москве. О том, что поднял это ополчение не кто иной, как патриарх Гермоген, старец Авраамий вовсе не знает, или как бы не хочет знать, между тем как об этом свидетельствует вся тогдашняя переписка городов между собой. Он, напротив, говорит, что «те их грамоты от обители Живоначальной Троицы во все российские города достигли, и слух сей в уши всех распространился, и милостью Пребезначальной Троицы по всем городам все бояре и воеводы и все воинство и всенародное множество православных христиан мало-помалу разгорались духом ратным, и вскоре, сославшись между

собой, сподвиглись от всех городов к Москве на отмщение крови христианской...» После рати много храбрых! — говорит старая пословица.

Этих грамот история до сих пор еще не открыла. Ей известны две окружные грамоты от Троицы: одна, писанная в июле, другая 6 октября; обе писаны по просьбе стоявших под Москвой воевод, а не по почину самого монастыря, как свидетельствует и сам Авраамий. Первая писана в Казань еще при жизни Ляпунова и просит помощи ратными людьми и казной, чтобы шли скорее. Сам Ляпунов еще в апреле писал в Казань (где грамота получена 1-го мая) о том же, объявляя и боярским холопам волю, если пойдут к Москве³². Но Казань не двигалась, и потому повторительная просьба пошла от Троицы кроме Казани и в другие города. Однако в том же июле пришла наконец Казанская рать с боярином В. П. Морозовым, но она Ляпунова уже не застала, и на приступах к Девичьему монастырю, вероятно, потерпела тот же позор от казаков, о котором говорено выше. Очень хорошо понимал стремления казаков и чутко следил за ними патриарх Гермоген. Когда после убийства Ляпунова в таборах, по-видимому, разнеслась тушинская мысль посадить царем Маринкина сына, он в августе торопливо и в душевном волнении (это очень заметно во всех его словах) пишет в свой любезный Нижний Новгород грамоту с твердым наказом скорей писать в Казань к митрополиту, чтобы писал в полки (под Москву) к боярам и казацкому войску *учительную* грамоту, чтобы они стояли крепко в вере, и боярам бы и *атаманью* говорили (от Казани) бесстрашно, чтобы отнюдь на царство проклятого Маринкина сына не сажали, «и на Вологду ко властям пишите, и к Рязанскому [владыке] пишите, да и во все города пишите [прибавлял патриарх], чтобы отовсюду писали в полки к боярам и атаманье, что отнюдь Маринкин на царство не надобен: проклят от святого Собора и от нас». Затем патриарх приказывал им все те грамоты собрать к себе в Нижний и прислать в полки к боярам и атаманью; и прислать с прежними же бесстрашными людьми Родионом Мосеевым и Ратманом Пахомовым, которым в полках говорить бесстрашно, что проклятый отнюдь не надобен. «А хотя буде и постраждете, — заключал святитель, — и вас в том Бог простит и разрешит в этом веке и в будущем. А в города для грамот посылать их же, а велеть им говорить моим словом». Эта грамота была получена в Нижнем 25 августа. 30 числа она пошла в Казань и по всем городам. Казанцы переслали ее в Пермь. По всему Поволжью и с притоками все узнали, чего хотят казаки, и все стали единодушно против их мысли. В то же самое время всюду распространилась весть и об убийстве промышленника и поборника по христовой вере, Ляпунова. Казань и об этом шлет поспешно грамоту в Пермь (получена 16 сентября) и уведомляет, что в Москве поборателя Прокопия *казаки убили* и что она, Казань, сослалась уже с Нижним и со всеми поволжскими городами, что «*быть всем в совете и соединении, за государство стоять, новых начальств в города не пускать, казаков в города не пускать*; если станут они выбирать государя, не сослався со всею землею, того госу-

Глава VIII

СКАЗАНИЯ И ДЕЛА АВРААМИЯ ПАЛИЦЫНА: НОВЫЙ ЕГО ВОСХВАЛИТЕЛЬ. ПАЛИЦЫН КАК ЧЛЕН ПОСОЛЬСТВА К СИГИЗМУНДУ. ВЕЛИЧИЕ ДУМНОГО ДЬЯКА ЛУГОВСКОГО. НИЗМЕННОСТЬ ПАЛИЦЫНА. ЕГО ПИСАНИЯ. ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТРОИЦКИХ ГРАМОТ

Личность Палицына долго еще будет служить предметом разногласия и спора в исторических исследованиях по той одной причине, что старец, написавший свое Сказание, сумел в нем в некоторых местах так связать и сплести недостойную похвалу самому себе с достойными хвалами своему монастырю, что исследователи и до сих пор никак не могут распутать этого узла и отделить самохвальную личность от исторической знаменитости самого монастыря. Они представляют обстоятельства в таком виде, как будто келарь Палицын есть самый этот монастырь, как будто деяния старца есть те самые те деяния, которыми всегда был славен монастырь. В таком смысле в последнее время написано новое исследование лично о Палицыне. Мы говорим о весьма почтенном, старательном и для своей цели весьма объемистом труде г. Кедрова, напечатанном в Чтениях Общества Истории и Древностей 1880 г., кн. 4, под заглавием «Авраамий Палицын», 202 стр., дополнением к которому появилось еще новое исследование автора под заглавием «Авраамий Палицын как писатель» (Русский Архив. 1886 г. № 8), наполненное относительно личности Палицына повторением тех же стараний оправдать всеми мерами его историческое поведение. В обоих исследованиях сказание старца Авраамия именно в его лживых местах утверждается и оправдывается со всех сторон, всеми предположительными и сообразительными вероятностями, обсуждениями и рассуждениями, которые настолько пространны и превратны относительно неоспоримых фактов, что опровергать их значило бы писать еще целую книгу, едва ли полезную для сущности дела. Так как Палицын вплел свою личность в такие обстоятельства, что при оправдании ложных мест его Сказания неизбежно приходится обвинять других, даже самые летописи, то естественным, логическим путем до этого

доходит и усерднейший восхвалитель старца, г. Кедров. Из рассуждений г. Кедрова выясняется, что показания летописцев неверны, страстны к нижегородскому ополчению; что события у них перепутаны (стр. 137—147); что Пожарский и все его ополчение во все время показывали *трусость*. Пожарский из трусости и по случаю обильных трапез медлил в Ярославле (119, 125), у Троицы (122, 123), что его ополчение при отбое Ходкевича в Москве из трусости спряталось по ямам и крапивам (145). Затем Пожарский является лжецом (109) и обидчиком (110) против Трубецкого, главным виновником того, что между казаками и земцами возникла ненависть и вражда (130, 131), вследствие чего Трубецкой с казаками и не должны были помогать нижегородцам. Не казаки, а нижегородцы играли в Смуту, не захотев стать в казацких таборах, оставаясь в бездействии, когда казаки храбро работали (133). Пожарский является настолько простоватым, что для пополнения своего разума необходимо должен был взять с собой, идя в Москву, старца Авраамия, (123—124, 126, 129) как дальновидного политика, гораздо лучше всех знавшего, как поступать и как вести дело спасения отечества.

Вообще в сочинении г. Кедрова нижегородское ополчение с его передовыми героями теряет свое значение, сходит на задний план и впереди всех, ярко освещенным, является один Палицын, окруженный таборами храбрых и великодушных казаков, с которыми он так достопамятно отбил приступ Ходкевича. Вообще Авраамий до того является великим, что, например, распоряжается митрополитом Кириллом как послушником, *посылает* его в Ярославль на свое место усмирять бунтовщиков (121); и многое другое величавое творит старец, конечно, только в воображении г. Кедрова. Опровергать все рассуждения и заключения автора, как мы сказали, неудобно по объему работы и бесполезно для сущности дела. Его усердная, очень старательная похвала и защита Палицыну представляет в своем роде образец того, как защищаемая неправда сама собой плодит и расплождает в каждой новой строке новую неправду. Автор во многих местах между прочим имел целью обнаружить ошибочность и несостоятельность наших заключений о том же предмете. Это заставило нас снова проверить наши изыскания и заключения, после чего мы только еще больше укрепились в своем прежнем мнении, найдя ему новые подпоры в том же исследовании г. Кедрова. Автор на первой же странице второго своего исследования наивно замечает, что «о деятельности Палицына в эпоху Смутного времени никто почти из современников не говорит; *Палицын сам о себе рассказывает*». Мы это самое и старались обнаружить в своих замечаниях. Кто в общем деле сам о себе и, главное, в похвалу себе много рассказывает, тот необходимо заслуги других оставляет в тени, забывает о них, о чем в полной мере и свидетельствует Сказание Палицына. В этом отношении г. Кедров не без основания замечает (стр. 508), что «на Сказание Палицына надо смотреть, как на *оправдательный документ* личного поведения автора, как на автобиографию», которая, по той самой

Глава IX

БЕЗВЕСТНЫЙ ГЕРОЙ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ РОСТОВСКИЙ БОРИСОГЛЕБСКИЙ ЗАТВОРНИК ИРИНАРХ. БЫТОВОЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЕГО ПОДВИГА

Бедственное время нашей Смуты в начале XVII столетия выставило множество героев на всех путях и по всем направлениям жизни. Подле знаменитых мужей — заводчиков крови, мужей вероломства и темных интриг, которые жадно отыскивали всякие корысти и почести — блистают люди чистого сердца и высоких помыслов, которые с полным самоотвержением отдавали свою жизнь одному святому делу спасения и очищения Отечества от врагов.

Славный Иван Сусанин, который представляется нам как бы одиночным явлением, совершивший свой русский подвиг по особенной мысли только о спасении своего господина в качестве избранного и избранного царя, в сущности представляет рядовой тип многих точно таких же деяний, пропавших без вести для летописцев и для историков по той причине, что подобные подвиги, как обычные и рядовые, летописцы и не почитали за особенно важное событие. Поляк Маскевич, рассказывая об опасностях, каким иногда подвергался в своих походах по подмосковным местам, описывает один случай, в точности изображающий и подвиг Сусанина. Однажды, в марте 1612 г., с небольшим отрядом он пробирался на помощь своим в Московский Кремль. Где-то вблизи Волоколамска, «в деревне Вишенце, — говорит он, — мы поймали старого крестьянина и взяли его проводником, чтобы не заблудиться и не набрести на Волок, где стоял сильный неприятель. Он вел нас в одной миле от Волока; ночью же нарочно повернул к сему месту. Уже мы были от него в одной только версте; к счастью, попался нам Руцкий, который в то время, проводив товарищей, вышедших из столицы к пану Гетману, возвращался под самыми стенами Волока на свои квартиры на Рузу, где стоял с казацкой ротой. От него узнали мы, что сами идем в руки неприятелю, и поспешили воротиться. *Проводнику отсекли голову; но страха нашего никто не вознаградит*⁹⁹».

Смутное время тем особенно и любопытно и достопамятно, что оно в полной мере раскрыло русскую жизнь со всех сторон. Оно вполне

раскрыло русский общественный нрав, русскую политическую мысль и вместе с тем обнаружило до полной наготы все русские пороки и добродетели, общественные и домашние, все худое и хорошее, сколько того и другого накопилось в течение прожитых веков. Однако подвиг всенародного спасения и очищения земли от политических и общественных бед совершился не руками какой-либо хитрой своекорыстной партии, не подстановкой нового замысла, но только помощью той общественной и нравственной чистоты народных понятий, которая скрывалась глубоко в самом же земстве и которая, после многих удачных и неудачных опытов, наконец восторжествовала, как природная, ничем непобедимая сила самой жизни.

Отечество спас простой посадский человек — Минин. И это не было случайностью. Напротив, здесь история раскрыла только настоящее основание русской жизни, истинную ее середину. В лице Минина народное множество нашло только достойного, истинного выразителя своих сокровенных желаний и всегдашних помышлений о том, как надо жить по правде и делать дело по правде.

Выставив своего подвижника и деятеля праведной общественной жизни, народ в то же время выставил и другого героя, такого же полного и истинного выразителя народных стремлений и помышлений в ином кругу жизни. Подле героя — общественного деятеля, героя — делателя жизни, он выставил героя — созерцателя жизни, героя религиозной мысли и религиозного чувства, который своими подвигами явно обозначил сокровенные народные думы о событиях времени и о той тяжелой исторической доле, какую неповинный народ должен был переживать ради бесчисленных смут и интриг служилого сословия.

Подвижником в этом кругу народных понятий и представлений явился Ростовский затворник преподобный Иринарх.

Старец Иринарх, мирским именем Илья, был сын крестьянина из ростовского села Кондакова. С малых лет Илья говорил матери: «Как вырасту большой, постригусь в монахи, буду железа на себе носить, трудиться Богу». Однажды, вероятно на праздниках, у его отца обедал приходской священник и за столом рассказывал житие Макария Калужинского.

Отрок Илья слушал внимательно и потом сказал: «И я буду монахом таким же». Во время голода в 1566 г., когда ему было 18 лет, он ушел из дома без ведома родителей в Нижний Новгород, где, в подгородном селении, у какого-то благочестивого крестьянина прожил три года. Между тем отец помер. Возвратившись домой и сделавшись после отца полным хозяином, Илья переселился с матерью в Ростовский посад. Там они купили дом и стали промыслять торговлей.

Торги шли очень успешно и выгодно, но барыши не могли победить крепкой мысли будущего подвижника. Он усердно ходил в церковь и делил свои прибыли нищим. Лучшее, что он приобрел торговлей, была горячая дружба с одним из торговых же посадских людей. Преподобный полюбил этого человека особенно за то, что он был грамотный,

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.

Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-49